

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ КАМБОДЖИ

В последние годы религиозный фактор играет все более заметную роль в политической жизни Камбоджи. Налицо явное стремление правящих кругов страны превратить буддийскую сангху в свою опору, поставить себе на службу «ресурсы религиозной харизмы», которые в Камбодже не менее важны, чем людские или материальные. Нарочитая демонстрация поддержки сангхи и приверженности буддизму стала важнейшим элементом имиджа правящей Народной партии Камбоджи (НПК). Политический лидер страны – премьер-министр Хун Сен все более активно использует патронаж сангхи в целях традиционной легитимации своей власти.

На первый взгляд, в такой монархической стране, как Камбоджа, любые претензии на роль патрона буддийской сангхи выглядят, по меньшей мере, неуместными, так как монарх априори является таковым. Однако, режим Хун Сена, пытается (и довольно успешно) состязаться с королем на этом поле, используя набор разнообразных средств – организационно-политических, финансово-экономических, формально-протокольных.

С целью уменьшения влияния короля на монашество Хун Сен последовательно проводил политику, направленную на постепенную маргинализацию королевской никаи¹ Тхаммаютики. С ее возвращением в Камбоджу в 1991 г. в сангхе возникла конфликтная ситуация. Тхаммаютика сразу же попыталась вернуть свои монастыри. Самые богатые из них, по признанию Бынг Кена – личного советника главы Тхаммаютики Буо Кри, были сосредоточены в столице: «Когда мы вернулись, все они были уже заняты монахами Маханикаи. Став после коронации патроном буддийской сангхи, Н. Сианук приложил немало усилий для возвращения нашего монастырского имущества, для защиты прав никаи, тесно связанной с его семьей»². Особенно это касалось главного столичного монастыря Ботумвуат-

дей, служившего с 1866 г. резиденцией главы Тхаммаютики. Однако тяжба по поводу монастыря была Тхаммаютикой проиграна, и обширная территория со всеми храмовыми постройками на ней осталась в распоряжении Маханикааи.

По мнению Бынг Кена, это решение объяснялось исключительно политическими мотивами³. Действительно, стремление не допустить возрождения среди верующих авторитета Тхаммаютики было составной частью религиозной политики Хун Сена и его окружения, которые изначально сделали ставку на массовую секту Маханикааю с целью превращения ее в своего стратегического партнера в борьбе за электорат. Мощнейший государственный патронаж (финансовый, политический, информационный) Маханикааи вплоть до настоящего времени позволяет ей сохранять положение «монопольного хранителя» буддийских ценностей в Камбодже.

В результате, Ботумвуатдей стал резиденцией Нонг Нгета – второго по рангу иерарха Маханикааи и фактически «площадкой» для религиозных мероприятий Народной партии Камбоджи. Так, выступая в мае 2010 г. на юбилее Нонг Нгета, Хун Сен заявил: «Храм Ботумвуатдей – это главное место осуществления всех религиозных ритуалов как для лидеров Народной партии Камбоджи, так и для членов моей семьи»⁴.

Следующим важным шагом по закреплению привилегированных позиций Маханикааи, стала реорганизация управления сангхи. Традиционно, обе никааи были совершенно самостоятельны в организационном отношении. В 2007 г. по предложению Хун Сена был введен пост единого главы сангхи. Его занял бывший глава Маханикааи – Теп Вонг, преданный сторонник Хун Сена, тесно сотрудничающий с ним еще с 1980-х гг. В настоящее время трое высших иерархов в сангхе – сам Теп Вонг, его заместитель и одновременно глава Маханикааи Нон Нгет, а также руководитель столичного отделения сангхи Йык Най – это священнослужители, которые занимали руководящие посты еще в период Народной Республики Камбоджи и связаны с Хун Сеном давними дружескими отношениями.

Хун Сен постепенно вводит в политический обиход понятие «семья Хун Сена» в противовес королевской семье. Накануне 2011 г. обращение к нации и новогоднее поздравление

были переданы от имени «семьи Хун Сена». Отец Хун Сена – Хун Неанг получил звание «моха прытхиагья» – «великий почетный ачарья» монастыря Ботумвуатдей и является крупнейшим дарителем сангхе. Религиозные мероприятия с его участием широко освещаются в прессе и по телевидению. Хун Неанг возглавляет Фонд Чуон Ната – выдающегося религиозного деятеля, буддийского реформатора и интеллектуала Камбоджи XX века. Многие молодые монахи искренне недоумевают, как «человек, не имеющий ни специального религиозного, ни высшего гуманитарного образования, может возглавлять фонд по духовному наследию Чуон Ната»⁵. Очевидно, что назначение Хун Неанга главой фонда продиктовано исключительно политическими мотивами. Таким образом премьер-министр стремится показать, что его семья берет на себя исполнение традиционной обязанности короля – заботу о сохранении исконных «духовных традиций» кхмерской сангхи, одним из самых ярких носителей которой был Чуон Нат. Такого рода действия, по мнению власти, служат своеобразным ритуальным подтверждением легитимности режима.

Покойную мать премьера – Ди Пок величают «мохаупасика» – «великая верующая». Этот термин впервые встречается в 1577 г. в кхмерской летописи при упоминании королевы-матери⁶ и в дальнейшем употреблялся только в отношении женщин королевского дома, которые отличались особо высокой степенью религиозности.

В приемной главы секты Маханикай висят портреты королевской семьи – короля Сиамони, его отца Нородома Сианука, его матери – королевы Монинеат. Там же на стене красуются портреты премьер-министра Хун Сена и его родителей. Согласно кхмерской политической традиции рядом с портретами правящего короля и его родителей нет места для изображений каких-либо политических лидеров, а тем более их родственников. «Портретная галерея» в офисе второго по значимости буддийского иерарха наглядно свидетельствует о том, что он фактически уравнивает «ценностную» значимость для сангхи королевской семьи – ее традиционного покровителя – и семьи Хун Сена, претендующей на патронаж, сопоставимый с королевским.

Но, пожалуй, самым эффективным средством утверждения Народной партии Камбоджи в качестве «буддийской партии», а премьер-министра как реального патрона сангхи служат денежные подношения монашеской общине, которые по суммам, интенсивности дарений, а главное по масштабу, сопровождающей их рекламы, намного перекрывают религиозную благотворительность короля.

В 2010 г. в стране было построено более 80 новых монастырей. Исходя из средней стоимости возведения монастыря – около 155 тыс. долл., затраты на религиозное строительство достигли 12,5 млн. долл. Более 90% этой суммы представляли собой пожертвования политической и бизнес-элиты страны. Если рядовой кхмер в провинции жертвует на строительство монастыря, как правило, около 10 долл., а в столице – около 50 долл., то представители правящей элиты даруют десятки тысяч долларов. Сооружение монастыря занимает у кхмеров самую верхнюю ступень в иерархии «благих религиозных деяний». По мнению рядовых камбоджийцев, правящие круги практически монополизировали получение этой разновидности «религиозных заслуг».

Безусловным лидером в «спонсировании» строительства монастырей является премьер-министр Хун Сен и его семья. Так, к примеру, в ноябре 2010 г. Хун Сен и его жена Бун Рани подарили 367 тыс. долл. на строительство нового храма в провинции Преах Вихеа⁷. Религиозная благотворительность приобрела в Камбодже в высшей степени публичный характер. Имена дарителей обязательно указываются на массивных каменных оградах монастырей и, таким образом, известны каждому прохожему. Личная монограмма премьер-министра Хун Сена красуется во всех крупнейших монастырях столицы.

Внушительный размер религиозных подношений характерен для большинства представителей правящей элиты. В число наиболее щедрых дарителей, в частности, входят заместитель премьер-министра, глава его канцелярии Сок Ан, заместитель премьер-министра, министр внутренних дел Со Кхенг, заместитель премьер-министра, министр обороны Теа Бань, мэр Пном Пеня Кеп Чук Тема, министр юстиции Анг Вонг Ваттана, министр информации Кхиеу Каньарит, председатель Народной

партии Камбоджи, председатель сената Чеа Сим и др. Фирму Khmer Wat Construction Company, которая монополизировала подряды на строительство крупных храмов, возглавляет старый друг Хун Сена окня Монг Рытхи.

Один из главных буддийских праздников в Камбодже – Бон Катхен, во время которого сангхе делают самые крупные денежные подношения, возведен в ранг государственного. Накануне Бона Катхена в 2010 г. в резиденции премьера состоялась встреча руководства сангхи и кабинета министров. На ней буддийские иерархи читали молитвы и желали успехов, счастья и долголетия организаторам праздника. По традиции один из храмов страны был выбран для проведения официальной церемонии Катхена. Из стратегических соображений в 2010 г. этим храмом стал Преах Вихеа, на владение которым выдвигает претензии Таиланд. Главный Катхен состоялся 12 ноября 2010 г. под председательством Хун Сена и Бун Рани, которые передали сангхе 367 тыс. долл. Одновременно они раздали в качестве подарков по 2,5 долл. и по саронгу двум тысячам местных жителей, участвовавших в церемонии⁸. В этот же день заместитель премьер-министра Сок Ан и жена премьера Бун Рани провели еще один Катхен в храме Свай Тьрюм провинции Преах Вихеа, подарив ему 200 тыс. долл.⁹ Все министерства и губернаторы провинций получили предписание об обязательном участии в празднике. Кхмерская пресса пестрела сообщениями об их подношениях сангхе¹⁰. Так, министерство обороны передало монахам 50 тыс. долл., министерство сельского хозяйства – 44 тыс., министерство социальных проблем и по делам ветеранов – 31 тыс., министерство информации – 17 тыс., губернатор провинции Бантеай Миен Тей – 25 тыс., губернатор Баттамбанга – 19 тыс., депутаты Национального собрания от провинции Кампот – 22 тыс. долл. Кхмерские газеты опубликовали подробный отчет об организации Катхена отцом Хун Сена. Хун Неанг посетил три столичных храма, подарив каждому по 30 тыс. долл.¹¹

Впрочем, щедрая благотворительность правящей элиты в отношении сангхи не ограничивается только периодом религиозных праздников. К примеру, в январе 2011 г. Хун Сен и его

жена подарили храму Свай Попэ 318 тыс. долл. для строительства на его территории Буддийского университета¹².

Крупные денежные пожертвования позволили НПК создать обширную клиентальную сеть среди настоятелей монастырей как в столице, так и в провинциях. Нередко сооружение храмовых комплексов начинается именно с кельи настоятеля монастыря. Некоторые из них и по размерам, и по финансовым затратам, не уступают самому монастырю. Так, на строительство кельи главы столичного монастыря Ланка в 2010 г. было собрано 150 тыс. долл. По 20 тыс. долл. дали Хун Сен и его отец. Значительные суммы также выделили министр информации Кхиейу Каньарит, мэр Пном Пеня Кеп Чук Тема, заместитель министра связи Сарак Кхан. Обитель настоятеля монастыря Ботумвуатдей была целиком выстроена на средства Хун Сена и его жены.

Мощные финансовые вливания в буддийскую сангху привели к возрастанию роли ачарьев¹³, которые традиционно являлись связующим звеном между монастырем и мирянами. Именно на них возложена ответственная миссия сбора денег на монастырские нужды. Определенный стаж «монашеской жизни», укорененность в данной местности, доскональное знание деревенских проблем, житейский опыт обеспечивают ачарьям высокий авторитет, как правило, превосходящий влияние местной власти. Их статус как «неформальных» лидеров никогда не ставится под сомнение деревенскими жителями, так как он опирается на мощный фундамент традиционных ценностей и представлений.

В настоящее время ачарьи, контролируя денежные средства, поступающие в качестве дара на монастырь от политиков различного уровня, фактически выступают посредниками между ними и деревенскими жителями, и тем самым все более активно вовлекаются в вертикальные связи. Нередко они по собственной инициативе обращаются от лица сельской общины за жертвованиями к какому-то конкретному высокопоставленному лицу, объясняя это тем, что «приход, например, влиятельного члена НПК гарантирует ей не только крупную сумму денег, но и покровительство ее монастырю со стороны местных властей»¹⁴.

Учитывая весомый авторитет ачарьев как неформальных лидеров, правящие элиты стремятся использовать их в качестве «агентов своего влияния» на местах, отводя им важное место в своей сетевой структуре. Это позволяет ачарьям привлекать больше денег в деревню, а партийным боссам оказывать влияние на настроения крестьян, в сознании которых закрепляется установка на поддержку политических деятелей, оказывающих финансовую помощь их монастырю.

В условиях проведения экономических реформ, сопровождающихся перераспределением земельной собственности, а также осуществления различных экономических проектов, нередко губительных для окружающей среды, властям особенно важно обеспечить поддержку местных неформальных лидеров. Правящая партия не прочь подключить таких лидеров с традиционной формой легитимности в политический процесс на местах, подчас опираясь на них в большей степени, чем на формально избранную власть. Тем более, что во многих районах именно пагода становится ареной предвыборной деятельности. Ачарья одного из столичных монастырей признается: «Я знаю, что нужно моему патрону – голоса избирателей – и не могу противиться его давлению». Ему вторит ачарья монастыря провинции Сиём Реап: «Наш патрон мне часто говорит, чтобы я убеждал деревенских жителей поддерживать правящую партию, особенно, на выборах, если мы хотим и дальше получать помощь на храм»¹⁵.

Дарение сангхе приносит намного больше заслуг, чем любая светская благотворительность. В связи с этим некоторые ачарьи, понимая важность развития местного хозяйства для улучшения жизни деревенских жителей, убеждают патронов из центра направлять подношения не только на храм, но и на объекты инфраструктуры уверяя их, что это также ведет к накоплению «религиозных заслуг». Так, один из ачарьев поясняет: «Сейчас обеспеченные люди зациклены на строительстве пагод и религиозных подношениях, совершенно упуская из виду важность социальной сферы. Однако развитие общественной инфраструктуры, т.е. строительство дорог, мостов тоже приносит заслуги дарителю. Я пытаюсь донести это до высоких патронов»¹⁶.

Растущий авторитет ачарьев приводит к тому, что крестьянское население прислушивается к их советам гораздо внимательней, чем к призывам местной администрации. Представители местной власти не скрывают: «Нам бывает сложно объяснить крестьянам ту или иную конфликтную ситуацию с правовой точки зрения. Лучше всего, если это сделает ачарья, исходя из принципов буддизма и закона кармы»¹⁷. Именно опора на традиционных лидеров – ачарьев и настоятелей монастырей – стала важнейшим элементом стратегии НПП по привлечению потенциального электората.

Укреплению режима служит и возросшая за последнее время религиозная активность влиятельного слоя бизнесменов, которым удалось получить титул «окня». В колониальной Камбодже этот титул давался чиновникам высокого ранга за длительную и безукоризненную службу. Теперь титул «окня» даруется королем по представлению кабинета министров преимущественно предпринимателям, потратившим более 100 тыс. долл. на благотворительность, в том числе, религиозную¹⁸. Фактически в обмен на благотворительный взнос в 100 тыс. долл. окня приобретает ценности другого рода – связи, влияние, власть. Регулярные денежные подношения монастырям, как важнейшая составляющая филантропической деятельности окня, являются не столько свидетельством высокой религиозности бизнесменов, сколько своеобразным способом отмывания, «легитимации» новых состояний, полученных на самом деле далеко не всегда праведным путем.

По признанию деревенских жителей, местные окня не только сами дают деньги на религиозную деятельность, но и мобилизуют свою клиентеллу, а также привлекают средства высокопоставленных патронов из центра. Именно благодаря титулу, а не финансовому положению, окня приобретает высокий социальный статус в глазах местных жителей, который и помогает ему активно лоббировать интересы правящей партии¹⁹.

Щедрый денежный патронаж со стороны правящих кругов объективно ведет к политической ангажированности руководства буддийской сангхи, которое фактически не соблюдает принцип невмешательства в политику, открыто отдавая пред-

почтение НПК. Примером может послужить глава сангхи Теп Вонга, который в одном из своих интервью газете «The Phnom Penh Post» откровенно заявил: «... в стране есть партия–хозяин, которая правит. Другие партии – это гости. Только партия – хозяин возрождает и защищает буддизм. Партии гостей разрушают национальную идентичность кхмеров»²⁰. Во всех публичных выступлениях иерархи сангхи особо отмечают «мудрое руководство премьер-министра Хун Сена, благодаря которому в стране наблюдается небывалый расцвет буддизма»²¹. При этом публичное упоминание заслуг короля в деле возрождения буддизма встречается крайне редко.

Правящая элита фактически монополизировала в своих интересах проведение ежегодных Всекамбоджийских буддийских конгрессов. Хотя король и направляет приветственное послание конгрессу, но сам на его открытии не присутствует. С трибуны конгресса с программной речью о религиозной ситуации в стране и задачах, стоящих перед сангхой, выступают, как правило, сам премьер или кто-то из его ближайшего окружения. В частности, в 2010 г. конгресс открывала заместитель премьер-министра, член ЦК НПК – Мен Сам Ан.

Многие столичные монахи не скрывают того, что настоятели их монастырей в ходе выборов активно агитируют голосовать за правящую партию. Монахи монастыря Онналоум объясняют это так: «Настоятели всегда стараются поддерживать наиболее сильную партию, которая может гарантировать храму, как существенную финансовую поддержку, так и другие формы покровительства. Такими же возможностями в Камбодже обладает лишь одна партия – Народная партия Камбоджи. Все «*монух тхом*»²² – это члены НПК. Финансовая база оппозиционных партий ограничена. Поэтому, чем мощнее денежные вливания в сангху со стороны НПК, тем активнее поддержка партии буддийскими иерархами разных уровней»²³. Это мнение разделяют монахи из монастыря Пройюровонг: «Политические симпатии настоятелей объясняются чисто прагматическими соображениями – обеспечением процветания монастыря. Щедрые дары монашеству политически выгодны правительству, которое постепенно превращает сангху в инструмент решения собственных светских проблем»²⁴.

Монахи монастыря Свай Донкум обращают внимание на откровенный цинизм власть предержащих. «Представители политической элиты ничего не делают бескорыстно. Они не подадут ни доллара умирающему от голода бедняку. Они не жалеют денег на благотворительность, только когда взамен получают почетный титул или «религиозные заслуги». Правящие круги дарят крупные денежные суммы руководителям сангхи, чтобы те помогли укреплять их авторитет»²⁵.

Монахи монастыря Свай Донкум с тревогой отмечают, что «в период правления Н.Сианука высшие иерархи не боялись критиковать власть, теперь же руководство сангхи, будучи прочно связанными с правящей элитой, во всем поддерживает ее»²⁶.

Политические симпатии верхушки сангхи отнюдь не разделяют рядовые монахи, во всяком случае, в столице. В своем подавляющем большинстве рядовые монахи – это молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, провинциалы, выходцы из бедных крестьянских семей, для которых вступление в сангху представляет собой единственную возможность получить образование. Однако, по их словам, «коррупция власти и все охватывающая система патронажных отношений» оставляет им мало шансов реализовать себя в будущем.

Многие из них настроены достаточно критически в отношении правящей партии, симпатизируя оппозиции, в первую очередь, Партии Сам Рэнси. Так, монахи монастыря Онналоум признаются: «Мы поддерживаем не ту политическую партию, за которую голосует большинство населения»²⁷. По утверждению монахов монастыря Мохамонтрей «Партия Сам Рэнси пользуется популярностью в столице не только среди молодежи, но и горожан старшего возраста. Однако так как в стране нет реальных политических свобод, то горожане боятся выражать открыто свои политические симпатии»²⁸. Монахи из монастыря Пройюровонг придерживаются более радикальных взглядов: «НПК все монополизировала в стране. Она нетерпима к любой конкуренции. Те горожане – представители интеллигенции, молодежи, которые симпатизируют оппозиционным силам, не отваживаются поддерживать их открыто, так как боятся репрессий со стороны власти вплоть до физической рас-

правы. Среди тех, кто критически настроен в отношении правящей партии и разделяет позицию Сам Рэнси, есть и финансово состоятельные люди – достаточно крупные бизнесмены. Однако они предпочитают скрывать свои политические симпатии, так как боятся, что, в противном случае, властные структуры просто отнимут их бизнес»²⁹.

Молодое духовенство внимательно следит за деятельностью оппозиционных партий, читает их газеты, знакомо с их сайтами. Многие из них выражают несогласие с политикой правящих кругов в отношении оппозиции. Молодежь монастыря Саравонтеда так объясняет свою позицию: «В обществе должны звучать различные политические мнения. У нас же, если даже оппозиция предлагает действительно что-либо дельное, полезное для общества, то правящая партия все равно будет убеждать граждан, что это – плохо и неправильно»³⁰. С такой точкой зрения солидарны монахи монастыря Свай Донкум: «Чтобы соглашаться или не соглашаться с Сам Рэнси, с его позицией следует, прежде всего, ознакомиться, а для этого ему надо дать возможность ее высказать. Его партия единственная, которая не боится критиковать политику властей. Мы уважаем Сам Рэнси за смелость»³¹. Развивая тему свободы слова, один из монахов заявляет: «Наши политические лидеры очень много и позитивно высказываются о демократических свободах, верховенстве закона, многопартийности. Однако действия их совершенно не соответствуют их правильным речам. Представители власти не терпят критики. Даже если я, как монах, которому предписано заботиться о душевном состоянии мирян, выражаю обеспокоенность ростом социального неравенства, то слышу в ответ презрительное: «Так ты, наверное, бедняк из провинции»»³².

К числу наиболее дискуссионных политических вопросов среди монахов относится их участие в выборах, разрешенное конституцией, но не поощряемое буддийскими предписаниями, в соответствии с которыми духовенству следует быть вне политики. В целом, большинство буддийской молодежи позитивно оценивает факт возможного участия в выборах, аргументируя это тем, что «монахи как граждане страны, заботящиеся, в первую очередь, о благосостоянии своих соотечественников, могут

участвовать в избрании достойных руководителей страны»³³. Однако в реальности, мало кто из молодых монахов участвовал в выборах, мотивируя это, отсутствием реальной свободы политического выбора. Так, монахи монастыря Ботумваутдей поясняют: «Большинство настоятелей поддерживают правящий режим, так как получают от него солидную финансовую помощь. Накануне выборов настоятель обязательно беседует с нами, настойчиво убеждая поддержать НПК. Даже если ты не согласен, послушаться совета старшего наставника нелегко, поэтому лучше вообще не голосовать». Их мнение разделяют монахи монастыря Кох: «В период выборов избирательные урны установлены в монастыре. Старшие монахи наблюдают за ходом голосования. У нас нет свободы выбора, нет возможности голосовать за оппозицию, поэтому лучше воздержаться от участия в выборах»³⁴. Довольно категоричную позицию занимают монахи монастыря Свай Донкум, утверждая: «Власть дает нашей пагоде деньги и взамен требует поддерживать её. Нас просто покупают. Мы можем не голосовать, но мы не можем не думать о том, что происходит в стране. Поэтому в душе у многих молодых монахов нет мира и спокойствия»³⁵.

Взаимоотношения власти и сангхи один из монахов монастыря Пройюровонг охарактеризовал так: «В 1950-1970-е гг. при Нородоме Сиануке монахи были элитой общества, сейчас они всего лишь инструмент власти»³⁶. С этим достаточно категоричным утверждением можно согласиться лишь частично, поскольку сангха так или иначе всегда была инструментом светской власти. Буддийские иерархи традиционно служили опорой всех политических режимов в Камбодже, а молодое монашество всегда было подвержено разного рода критическим настроениям в отношении власти. Однако нельзя не признать, что достаточно типичные для буддийской сангхи явления сегодня реализуются в изменившемся социальном контексте. Во-первых, никогда ранее сангха не получала столь внушительные денежные средства, так как в прошлом правящие элиты страны просто не располагали такими финансовыми возможностями. Во-вторых, никогда ранее кхмерская сангха не ощущала так остро отсутствие в ее рядах общепризнанных ду-

ховных авторитетов, способных противостоять давлению властей.

Все это обусловило нарочито откровенный, лишенный традиционной деликатности, характер деятельности буддийских иерархов по поддержке государственной власти. В то же время исторический опыт Камбоджи отчетливо показывает, что подобная ничем не прикрытая политическая ангажированность руководства сангхи, как правило, приводит к «растрате» религиозной харизмы сангхи и неизбежно подрывает ее престиж.

¹ Никая – подразделение сангхи, в буддологической литературе часто обозначаемое словом секта.

² Интервью автора 20.11.2010.

³ Интервью автора 20.11.2010.

⁴ Selected Comments at the Birthday Anniversary of Samdech Moha Sume Thea Thibdei Non Hget at the Buddhist Pagoda of Botum Vadei.// www.cnv.org.kh

⁵ Интервью автора. Ноябрь 2010.

⁶ Jacobsen T. Lost Goddesses. The Denail of Female Power in Cambodian History. Copenhagen 2008. P. 83.

⁷ Кох Сантепхиеп (на кхмерс. яз.) 15.11.2010

⁸ Там же

⁹ Расмей Кампучия (на кхмерс. яз.) 13.11.2010.

¹⁰ См.: Кох Сантепхеап, Расмей Кампучия, Нагараватта, 16-19.11.2010.

¹¹ Кох Сантепхеап 16.10.2010.

¹² Hun Sen. Selected Comments at the Birthday Anniversary Celebration for Samdech Preah Abhiserei Sokumthea Buo Kri, Maha Sangha Raja of Dhammayuttika Nikaya. 23.01.2011.//www.cnv.org.kh

¹³ Ачарья – светское лицо, осуществляющее связь между монастырем и деревней. Как правило, мужчина старше 45 лет, бывший монах, строго соблюдающий принципы буддизма в повседневной жизни.

¹⁴ Kent A. Purchasing Power and Pagodas: The Sima Monastic Boundary and Consumer Politics in Cambodia // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2007. N 38, P. 348-349.

¹⁵ Интервью автора 19.11.2010.

¹⁶ Интервью автора 19.11.2010.

¹⁷ Thon Vimealea, Ou Sivhuoch, Eng Netra and Ly Tem. Leadership in Local Politics of Cambodia: A Study of Leaders in Three Communes of Three Provinces. CDRI Working Paper Series N 42. Phnom Penh, 2009. P.52.

¹⁸ См.: Thon Vimealea, Ou Sivhuoch, Eng Netra and Ly Tem. Op. Cit. P. 34.

¹⁹ См.: Thon Vimealea, Ou Sivhuoch, Eng Netra and Ly Tem. Op. Cit. P. 46.

²⁰ The Phnom Penh Post. 15-28.12.2006.

²¹ См.: Нагараватта, Кампучия Тхмей, Расмей Кампучия.

²² Так в Камбодже называют политически влиятельных и экономически состоятельных людей.

²³ Интервью автора 17.11.2010.

²⁴ Интервью автора 12.11.2010.

²⁵ Интервью автора 19.11.2010.

²⁶ Интервью автора 18.11.2010.

²⁷ Интервью автора 16.11.2010.

²⁸ Интервью автора 09.11.2010.

²⁹ Интервью автора 18.11.2010.

³⁰ Интервью автора 10.11.2010.

³¹ Интервью автора 19.11.2010.

³² Интервью автора 19.11.2010.

³³ Интервью автора 13.11.2010,

³⁴ Интервью автора 14.11.2010.

³⁵ Интервью автора 19.11.2010.

³⁶ Интервью автора 12.11.2010.